

Личность в экстремальных условиях

Анна Фрейд, Дороти Берлингем

ВОЙНА И ДЕТИ¹

(перевод с английского Елены Уманской)

Как дети реагируют на эвакуацию

Эвакуация разрушает привычные эмоциональные связи ребенка

Война для детей имеет сравнительно малое значение, пока она только угрожает их жизням, доставляет неудобства и заставляет жить впроголодь. Она становится ощутимой в тот момент, когда рушится привычный уклад семейной жизни, уничтожая в жизни ребенка первые эмоциональные связи с членами семьи. Поэтому многие дети хуже переносят эвакуацию, чем бомбежки.

Доводы «за» и «против» эвакуации широко обсуждались в первые годы войны в Англии. В результате постоянных воздушных налетов на Лондон возникла острая необходимость эвакуации детей из города. Для более глубокого изучения психологических проблем, рассмотрим последствия этого явления.

Ситуация попадания ребенка в другую семью

Чрезвычайно интересное социальное явление порождается процессом распределения детей по новым местам жительства. Дети, попадая в семьи, статус которых выше или ниже социально-экономического статуса их родителей, прекрасно осознают эту разницу. Дети, вынужденные адаптироваться к более высокому уровню культуры, включающему в себя: чистоплотность, хорошую речь,

¹ Главы из книги: *Freud A. & Burlingham D.T. War and Children.* N.Y., 1943. P. 37–88.

манеры, социальное поведение, идеалы морали, – могут оскорбиться такими требованиями, расценивая их как критику своих родителей, поэтому они нередко противостоят этим требованиям. Есть дети, которые отказываются от новой одежды, предпочитая ей грязную, поношенную, привезенную из дома. В отношении маленьких детей такой поступок расценивается как проявление любви и привязанности к прошлому. Для детей постарше – это одновременно и проявление верности своему прежнему дому. В своих фантазиях дети 6–10 лет демонстрируют полный спектр эмоций по отношению к родителям. Дети испытывают к ним любовь и ненависть, восхищение и осуждение, даже презрение. И если эвакуация и, соответственно, разлука происходят именно в этот период, попадание в приемную семью другого социального статуса расстраивает ребенка, вероятно, потому, что он неожиданно сталкивается с неприятной реальностью, которой следовало бы оставаться в царстве грез. Ситуация попадания в другую семью имеет тайные отголоски во внутреннем мире фантазий ребенка в мирное время. У большинства детей этого возраста есть свои воображаемые тайны – «романтические семейные легенды» о том, что они потомки королевской династии или династии лордов, которых отдали в их теперешние семьи. Другие втайне боятся, что были украдены, и теперь вынуждены жить в бедности.

Психологические
проблемы приемных матерей

Психологические проблемы приемных матерей существуют даже у тех, кто отрицает их существование. Как мы знаем, присутствие матери – важный фактор в построении отношений матери с ребенком. Ребенок первоначально начинает свое существование как часть материнского тела. Что касается чувств, испытываемых матерью, то они не изменяются в течение нескольких лет. Мать эгоистична в своем обладании ребенком. Вред, причиненный ребенку, расценивается матерью как вред, причиненный ей. Для каждого человека очень дороги собственная значимость, личность и свое тело. Это относится к ребенку, все еще воспринимаемому матерью как часть ее тела. Это объясняет то, почему ребенок, некрасивый и неумный, в глазах матери выглядит и красивым, и умным. Это чувство помогает матери выдерживать ради своих детей любые трудности. Всем известно, что только любовь к детям гарантирует, что постоянное клянчанье, постоянный шум, извечный разгром, учиняемый детьми, не будет расцениваться родителями как неприятность.

Считается, что приемные матери или работники приютов, причиняют страдание детям, которых не любят. Для них есть только два пути: один из них – культивировать к себе отношение стороннего наблюдателя, и жаловаться на чрезмерную нагрузку, пытаться избавиться от ребенка как можно скорее. Второй путь – пытаться стать для ребенка матерью, чтобы означает относиться к нему так, как к своему собственному. Приемные матери во втором случае не страдают от того, что ухаживают за детьми, разве что испытывают трудности, которые приходится испытывать матерям.

Но во втором случае, который представляет из себя лучший вариант, таится опасность иного рода. По воскресеньям или праздникам появляется настоящая мать и предъявляет свои права на ребенка. Часто слышишь, что двум женщинам трудно делить одну кухню. Это, возможно, преувеличено. Но что совсем невозможно, так это двум матерям делить одного ребенка.

Проблема соперничества между приемными братьями и сестрами

Есть и еще одна проблема, на которую мало обращают внимания. Это проблема чувства ревности и соперничества между братьями и сестрами, которая в ситуации эвакуации приобретает новую форму соперничества между приемными братьями и сестрами. Дети никогда не относятся положительно ко всякого рода изменениям в их семье. Иногда они пытаются принимать их с радостью, в другое время их может успокоить малый возраст и полная беспомощность новичка. Хотя вновь прибывший приемный брат зачастую не так уж беспомощен. Он незаконно присваивает себе права, которые другой, в свою очередь, не желает отдавать. Новичок, со своей стороны, прекрасно осознает свое второстепенное положение и вследствие этого озлобляется. Такая ситуация дает все основания для возникновения ревности и ощущения дискомфорта.

Эти проявления дискомфорта достаточно интересны, чтобы стать предметом исследований, которые проводятся детскими патронажными клиниками под руководством психологов окружного медицинского центра. Они следили за проблемами детей, помещенных в приемные семьи, сглаживая острые углы и переселяя неужившихся. В этой ситуации у них была уникальная возможность изучать происходящее.

Трудности эвакуации детей младше пяти лет

Программа правительства по эвакуации детей, оставшихся без присмотра, никогда не включала в себя проведение мероприятий с детьми младше школьного возраста, за исключением немногих малышей, которые были взяты как младшие братья и сестры. Эвакуация

детей младше пяти лет была поистине трудным мероприятием. Предполагалось, что они останутся со своими матерями и будут эвакуированы вместе с ними в случае необходимости. Когда процент матерей, отказавшихся покинуть Лондон и поселиться в приемных семьях, стал достаточно высоким, пришлось включить в программу и детей младше пяти лет. Дети, чьи матери имели достаточно веские основания, чтобы остаться, были отправлены без матерей в приюты или в приемные семьи. Трудность заключалась в том, что свободных мест было очень мало по сравнению с наплывом матерей, желающих отправить свое чадо в безопасное место.

Проблема отсутствия достоверных данных о трудностях первой разлуки с матерью

В лондонском детском доме, как и в нашем, почти невозможно найти данные об успешном пребывании маленьких детей в приемных семьях. Дети, которым хорошо жилось в приемных семьях, т.е. которым посчастливилось найти приемную мать, готовую принять их как своих детей, жили далеко, и о них почти ничего не было известно. А «неудачливых приемышей» можно было обнаружить повсюду. Некоторые из них обосновывались где-то на окраинах, в таких приютах, которые были созданы по частной инициативе или по инициативе Американских фондов взаимопомощи. Более 20% случаев, рассмотренных нами, — «неудачливые приемыши» различных типов.

Ответственность приемных семей за невозможность адаптации детей

Так как у нас нет достоверной информации о трудностях, испытываемых детьми после их первой разлуки с матерью, то мы склоняемся к тому, что ответственность за невозможность адаптироваться к новым условиям такого большого количества детей лежит на приемных семьях. Мы располагаем данными лишь наших наблюдений. Наиболее впечатляющие примеры этого описывались в разное время в наших ежемесячных отчетах. Справедливо, что немногие дети представляют собой такую ужасающую картину, как Патрик 3,5 лет, который сам довел себя до навязчивого состояния, или Берилл четырех лет, которая в течение нескольких дней сидела на том месте, где ее оставила мать, не говорила, не ела, не играла, и двигалась по кругу как автомат. Кроме этих, не совсем обычных случаев, мы наблюдали затяжные приступы болезненной тоски по дому, горечь и отчаяние гораздо более сильные, чем неопытная приемная мать могла бы ожидать. Мы не наблюдали похожих состояний у детей, которых находили в лондонских приютах, спящими на платформах вместе со своими матерями. Наши эмоции восставали против того, что дети подвергаются опасности воздушных налетов. Но для самих детей, ис-

пытывавших в течение нескольких дней или даже месяцев болезненную тоску по дому, то было состояние блаженства, к которому они желали вернуться.

Существует очень много объективных причин, по которым маленьких детей не следует оставлять в лондонских приютах.

Эвакуация улучшает бытовые условия жизни ребенка

Ребенок, привезенный из Лондона в его пригороды, безусловно, был увезен от большой опасности к опасности чуть менее серьезной; антисанитарные условия сменились на более гигиеничные, они избежали опасности подцепить инфекцию, которая разрастается в местах скопления народа. Если ребенка направили в благоустроенный приют, то там его будут кормить лучше, чем он питался раньше; у него появится возможность заниматься чем-то полезным, у него появятся друзья, он будет защищен от мрачного и унылого существования, которое состоит в простаивании в очередях в метро, в жизни где-то между домом и убежищем.

Трудно сказать, что все эти улучшения жизни ребенка – ничто по сравнению с тем, что он ради этого должен оставить свою семью. Такое положение вещей трудно понять, считая многих матерей плохими матерями в прямом смысле этого слова.

Привязанность ребенка к матери не зависит от ее личных качеств

Мы имеем дело с огромным количеством матерей, с матерями любящими, умными, трудолюбивыми, готовыми на любую жертву ради детей, но есть и другие, их меньшинство, но они все-таки есть. Они могут быть ленивыми, небрежными, грубыми, злыми, неспособными на нежность. Есть и такие, которые чрезмерно строги, делая жизнь ребенка и весь процесс воспитания невыносимыми. Общеизвестный факт, что дети привязаны даже к тем матерям, которые проявляют жестокость по отношению к ним. Привязанность ребенка к своей матери не зависит от ее личностных качеств и ее способности воспитывать ребенка.

Это утверждение основано не на какой-то сентиментальной теории священности связей между матерью и ребенком. Это результат полученных знаний о развитии и природе эмоционального мира ребенка, в котором фигура матери – наиважнейший представитель внешнего мира.

Развитие детско-материнских отношений и влияние факта разлуки с матерью на разных стадиях развития ребенка

Фазы отношений
ребенка с матерью

В отношениях маленького ребенка со своей матерью существуют определенные важные фазы.

Предметность
отношений
ребенка с матерью

Первая фаза, которая относится к первым месяцам жизни ребенка, характеризуется эгоистичностью и предметностью их отношений. Жизнь младенца подчинена ощущениям потребности в чем-то и ощущениям удовлетворения, удовольствия и дискомфорта. Когда ребенок сыт, ему тепло и удобно, интерес к окружающему миру пропадает, и он засыпает. Когда он голодный, мокрый, когда ему холодно или у него болит живот, он кричит, чтобы привлечь к себе внимание. Естественно, что забота и внимание матери, т.е. особая атмосфера любви, которую только мать может обеспечить, более благотворна для ребенка, чем простое равнодушное механическое удовлетворение его потребностей.

Факт разлуки с
матерью практиче-
ски не осознается

Ребенок, разлученный с матерью в этот период жизни, будет принимать пищу и заботу от приемной матери.

Он сосредоточен на своих потребностях, абсолютно беспомощен, а способность различать людей еще только начала развиваться. Дети в этом возрасте, оставленные нам своими матерями, недолго переживают; они могут какое-то время поплакать, с трудом засыпают, и могут иметь нарушения пищеварения в течение одного-двух дней.

Нам еще предстоит узнать, какая часть этих переживаний вызвана нарушением привычного для ребенка порядка вещей, а какая – изменением в обращении с ребенком и сменой той особой атмосферы близости, которая создается матерью. Несомненно, что эти переживания гораздо более сложны и продолжительны в том случае, если мать кормила ребенка грудью, и отнятие от груди связано с необходимостью расстаться с ребенком. Само по себе отлучение от груди для ребенка – потеря удовлетворения, отделение от матери. Когда мать, оставшая ребенка, появляется снова через несколько дней, ребенок на этой стадии развития не проявляет признаков узнавания.

Необходимость
удовлетворения
потребности
ребенка в любви

Вторая фаза наступает примерно в шесть месяцев. Предметные отношения с матерью еще присутствуют. Мать остается на протяжении нескольких лет средством получения удовольствия. Но из этих, первоначально примитивных, отношений начинает вырастать нечто новое.

Ребенок начинает обращать внимание на мать и тогда, когда нет острой необходимости в том, чтобы она об-

ратила на него внимание. Он любит общаться с матерью, ему нравятся ее ласки, и ему уже не нравится оставаться одному. До сих пор отсутствие матери было лишь потенциальной опасностью: ребенку что-либо может понадобиться, а поблизости никого не окажется, чтобы удовлетворить его потребность. Теперь же, во второй фазе, мать нужна ради нее самой, а не для удовлетворения потребностей. Ребенок осознает ее присутствие, следит за ней глазами, может отвечать на ее улыбку и, как описывалось выше, подвержен влиянию ее настроения. Удовлетворение потребности ребенка в любви становится необходимым для его психологического удовлетворения точно так же, как удовлетворение потребности в пище и заботе нужно для обеспечения его физического комфорта. Переживания, вызванные разлукой с матерью, на этом этапе продлятся довольно долго.

Разлука с матерью отражается на физической активности ребенка

Дети, находящиеся на этой стадии развития, после того, как остаются у нас без матери, отказываются от пищи. У многих проявляются признаки беспокойства по ночам, они часто выглядят недружелюбно и избегают контактов с внешним миром. Улыбки, дружелюбие, игривость появляются снова после того, как восстанавливается физическая активность. Прерывание психического контакта с внешним миром – не просто следствие физического дискомфорта, который испытывает ребенок. Однажды к нам привыкнув, такой ребенок не уйдет от контакта с няней, которая ухаживала за ним даже в период болезни.

В этот период разлуки ребенок повторит то, что происходило с ним в начале установления отношений со своей матерью: он устанавливает личный контакт с приемной матерью, используя для этого удовлетворение своих физических потребностей.

Привязанность ребенка к матери на втором году жизни

Личная привязанность ребенка к матери, которая устанавливается в первый год жизни, достигает своей силы на второй год. Ранее было сказано, что ребенок привязан к своей матери; теперь можно с уверенностью сказать, что он ее любит. Чувства, которые он теперь испытывает к матери, приобретают силу и многоликость любви, которую испытывают взрослые. Это любовь требовательная, собственническая. Все, чего ребенок инстинктивно желает, сосредоточено в матери. Пока она его кормит грудью, ребенок хочет «съесть» ее; позже он начинает кусаться, ласкаться, и какой бы импульс в нем ни зародился, он пытается реализовать его через мать.

Установление эмоциональных контактов с другими людьми

Эти отношения между маленьким ребенком и матерью можно было бы назвать вершиной счастья, если бы не два «но». Требования ребенка слишком высоки, они фактически, неудовлетворимы. Как бы долго мать ни

кормила ребенка грудью, когда она прекращает это, ребенок своим негодованием дает понять, что ему недостаточно. Как бы много времени мать ни проводила около него, ребенок довольно резко протестует против того, что его все-таки оставили. К тому же ребенок вскоре начинает осознавать, что в мире есть и другие люди, кроме него и матери. Он осознает наличие братьев и сестер, которые предъявляют равные с ним права и которые становятся его соперниками. Ребенок начинает осознавать, иногда очень рано, что еще существует отец, и его ребенок также включает в свой мир. Он расценивает его как опасного соперника, но в то же самое время он любит его. Посредством такого столкновения чувств ребенок входит в сложный, запутанный мир чувств, который составляет эмоциональную сферу жизни человека.

Реакции на разлуку с матерью особенно сильны

Реакции, выдаваемые ребенком на разлуку с матерью, особенно сильны. Ребенок чувствует себя оставленным всеми теми, кого он хорошо знает в своем мире, теми, кто для него много значит. Новая способность любить оказывается депривированной, и его ненасытная потребность в любви также остается неудовлетворенной. Его тоска по матери становится невыносимой, обрекает его на переживание отчаяния, которое сходно с отчаянием и дистрессом, испытываемым младенцами, когда они голодны или когда не получают еды в привычное время. В течение нескольких часов или в течение одного-двух дней этот психологический голод, связанный с отсутствием матери, может подавить все физические ощущения.

Дети сохраняют в памяти образ матери. Переживая разлуку, некоторые отказываются от еды и сна. Многие протестуют против того, чтобы их ласкали незнакомые люди. Одни дети привязаны к игрушкам, которые дала мать, другие – к чему-то из постельных принадлежностей или одежде, которую принесли из дома. Кто-то монотонно повторяет слова, которыми он обычно звал мать, как, например, Кристина (17 месяцев) все время повторяющая: «Мам, мам, мам, мам...» Она повторяла это громко в течение трех дней.

Особенности состояния детского горя

Наблюдая, редко можно оценить реальную глубину и серьезность горя, переживаемого маленькими детьми, по одной причине. Детское горе быстротечно. У взрослых траур, связанный с переживанием такой же силы, длится годы, такой же процесс у ребенка одного-двух лет заканчивается через 36–48 часов. Психологически ошибочно исходить из продолжительности этого состояния, полагая, что переживания поверхностны, а их последствия легко устранимы. Разница в продолжительности этих

состояний объясняется разницей между детством и взрослостью. Жизнь ребенка подчинена принципу, согласно которому ребенок нуждается в удовольствии, и избегает боли и дискомфорта. Он не может ждать удовольствия, терпя дискомфорт, потому что понимает, что удовольствие в конце концов наступит.

Взрослый тоже может казаться в похожей ситуации разлуки с теми, кого любит. Но его память о прошлом и способность заглянуть в будущее помогут ему сохранить свое внутреннее отношение к любимым людям и таким образом преодолеть этот трудный период до воссоединения близкими.

«Отказ» ребенка от образа матери, хранящегося у него в памяти

Психологическая ситуация ребенка абсолютно другая. Объект любви, который тут же, немедленно не приносит удовлетворения, не годится для этой роли. Память о прошлом затуманена разочарованием, полученным в настоящий момент. Ребенок не может заглянуть в будущее, но даже если бы и мог, это все равно не помогло бы. Его потребности настолько актуальны, что требуют немедленного удовлетворения; обещания о получении удовольствия не помогают. Поэтому маленький ребенок вскоре «отказывается» от образа матери, хранящегося у него в памяти, и поначалу неохотно принимает предлагаемую заботу. В некоторых случаях это происходит очень долго. Например, Кристин поначалу разрешала незнакомым людям только ласкать и держать ее. Она сидела на чьих-нибудь коленях, отвернув голову, получая удовольствие от привычных ощущений и, возможно, в своих мыслях представляя свою мать. Когда она видела лицо того, кто ее держал, она начинала плакать.

Есть и такие дети, которые избегали проявления таких бурных реакций. Они казались спокойными, более-менее равнодушными. Прошло несколько дней, может быть, неделя, прежде чем это спокойствие было нарушено осознанием того, что вокруг них незнакомые люди. После этого появились нарушения в поведении, и все признаки легкой депрессии. Все дети этого возраста – и те, кто проявлял бурные реакции, и те, у которых реакции были более сдержанны, – обнаруживали тенденцию к заболеваниям в новых для них условиях: у них появлялась простуда, болело горло или возникали проблемы с пищеварением.

Шок, вызванный разлукой, на данном этапе развития – это действительно очень серьезная проблема. В дальнейшем исследователями было доказано, что многие из этих детей оказались не в состоянии узнать своих матерей, когда те пришли их навестить на новом месте

жительства. Сами матери понимают, что неузнавание не относится к ограниченным возможностям памяти в этом возрасте. Те же самые дети, которые смотрели в лицо своим матерям с холодным равнодушием, как будто они их никогда не знали, без труда узнавали безжизненные предметы, принадлежащие к их прошлому. Когда их снова забирали домой, они узнавали комнаты, расположение кроватей, помнили содержимое буфетов и т.п.

Реакция детей на разлуку с отцом

В отношении отцов ситуация была более благоприятная. Дети более-менее привыкли к их приходам и уходам, и удовлетворение их основных потребностей от отцов не зависело. Поэтому разлука с ними не становилась для детей шокирующим событием, и память о них сохранялась почти без изменений. Неспособность узнавать мать появляется в случае, если в мыслях ребенка, в его сознании, произошло изменение ее образа, т.е. изменилось его внутреннее отношение к ней. Мать разочаровала ребенка, надолго оставив его неудовлетворенным, поэтому он отворачивается от нее с обидой, вытесняя воспоминания о ней из своего сознания.

Отношения матери и ребенка на ранних стадиях развития

Осознание ребенком факта разлуки с матерью снижает негативные последствия шока

То, что справедливо в отношении младенца, остается справедливым, с некоторыми изменениями, в течение последующих двух-трех лет. Перемены, связанные с развитием, происходят медленно во всех направлениях. Интеллект, развиваясь, позволяет ребенку осознавать происходящее, например причины, по которым их разлучили с матерью. К пятилетнему возрасту такое осознание на психическом уровне способно снизить негативные последствия шока. В этом помогают воспоминания, и в силу вступают механизмы, согласно которым человек способен надеяться на будущее.

С другой стороны, отношения между детьми и их родителями в этот период менее гармоничны и не так просты. Разного рода факторы добавляются в и без того сложную семейную обстановку, когда семья вынуждена распасться. В этом возрасте ребенок прекращает отношения, ограниченные общением только в материю, он становится членом семьи, и это имеет прямое отношение к его эмоциям и чувствам.

Различия эмоционального развития мальчиков и девочек

До сих пор эмоциональное развитие мальчиков и девочек было почти одинаковым; в этом возрасте оно отличается по многим показателям. Мальчик начинает идентифицировать себя с отцом и имитировать его поведение. Изменяется отношение к матери, он перестает быть за-

висимым младенцем и превращается в маленькое существо мужского пола, требующее внимания матери, жаждущее ее восхищения – просыпается его либидо.

Маленькая девочка пытается уйти от слияния со своей матерью. Она начинает подражать ей в ее повадках, пытается играть роль матери для своих кукол или младших братьев и сестер. Она обращает свою любовь и интерес в большей степени к отцу, и хотела бы, чтобы он ценил ее так же, как мать.

И девочки, и мальчики таким образом получают первый опыт влюбленности. Неизбежный результат – разочарование в своей первой любви. Сравнивая себя с родителем-соперником, ребенок ощущает себя маленьким, бесполезным, зависимым. Он испытывает злость по отношению к одному родителю и ревность по отношению к другому. Он недоволен тем, что его фантастические мечты о том, что он большой, не исполняются.

Второй негативный фактор – то, что родители используют любовь ребенка в воспитательных целях.

Дети рождаются дикарями. Поступая в школу в возрасте пяти лет они, как правило, уже более-менее цивилизованные люди. Это означает, что первые годы жизни полностью подчинены борьбе между требованиями родителей и инстинктивными желаниями ребенка. Уже в первые два года жизни происходит отлучение от груди, которое идет вразрез с желаниями ребенка. Он пытается укротить свои привычки. Голод и жадность ребенка должны подчиняться режиму питания. В этот новый период родители осуждают и ограничивают агрессивные проявления ребенка и его желание сломать вещи. Они не только приучают его к чистоте, они хотят, чтобы ему самому грязь была противна так же, как и им. Когда ребенок бывает жестоким, они хотят, чтобы он сожалел об этом. Он сталкивается со своими первыми сексуальными импульсами, когда пытается удовлетворить их с помощью своего тела; он не получает удовлетворения, направляя их на родителей. Любопытство ребенка в большей степени остается неудовлетворенным, а его естественное желание, чтобы им любовались, оценивается как желание «выпендриться». Часто родители манипулируют детской любовью. Любовь родителей для ребенка важнее всего. В руках родителей ребенок достаточно беспомощен, потому даже незначительное наказание заставляет его слушаться. Эти два фактора: разочарование в своей первой ранней любви и воспитательное давление, грозят испортить отношения между ребенком и родителями. Если ребенка лишают удовольствия, он обижают-

Использование родителями детской любви в воспитательных целях

Негативные
эмоции по отноше-
нию к родителям

ся, если его чересчур ограничивают, он становится упрямым. Когда его наказывают, он ненавидит родителей, но при этом испытывает глубокое чувство вины.

Дети вспыльчивы, и для любого, кто их обидит, у них есть одно наказание: этот человек должен уйти и не возвращаться, что на языке детей означает, что он должен умереть. В повседневной жизни в семье такие эмоции естественны и необходимы. Они поднимают небольшую бурю и снова утихают. Ребенок демонстрирует большую любовь к тому родителю, которого хотел бы видеть мертвым. Но с другой стороны, эти бурные негативные эмоции по отношению к родителям могут быть определенным реактивным ответом ребенка на процесс разлучения с ними в этот период.

Негативные эмоции по отношению к родителям преходящи. Под влиянием повседневного общения они сдерживаются и нейтрализуются чувством любви к родителям, которые в ответ доставляют удовлетворение ребенку.

Возникновение у
ребенка чувства
вины после
разлуки с родите-
лями

И уже не кажется таким уж страшным убить родителя в фантазиях, если в это время в действительности родитель жив и здоров. Но разлука представляется ужасным олицетворением этих негативных эмоций. Теперь отца и матери действительно нет. Ребенок напуган этим обстоятельством и подозревает, что это своего рода наказание или даже последствие его собственных плохих мыслей. Чтобы преодолеть это чувство вины, ребенок гипертрофирует свое чувство любви к родителям, что превращает страдание от разлуки с родителями в страстное желание быть с ними, которое ребенок с трудом переносит. В состоянии болезненной тоски по дому дети ведут себя особенно хорошо. Требования и запреты, которые они бойкотировали дома, из-за отсутствия родителей приобретают религиозную окраску. Если есть хотя бы намек на осуждение их родителей, детей это сильно обижает. Свои прошлые мысли, которые сейчас заставляют их испытывать чувство вины, они расценивают как неправильные.

Патрик 3,5 лет, услышав, что его мама попала в больницу в большой ногой, вспомнил, что когда-то он ударил ее, и начал страшно переживать, думая, что это могло произойти по его вине.

Посещения родителей или их отсутствие воспринимаются как награды или как наказания. У нас было несколько девочек трех и четырех лет, которые сидели под дверями часами, ожидая, когда должны прийти их мамы. Однако посещения не приносят ожидаемого удовлетворения. Когда мамы приходят, дети могут быть уны-

Особенности
проявления чувств
к отцу у детей
2-4 лет

лыми, робкими, виснуть у них на шее, ничего не говоря. Когда матери уходят, чувство любви прорывается наружу, и эти проявления носят весьма бурный характер. Дети ведут себя так, как будто они чувствуют любовь к матери только на расстоянии, вдали от нее. Когда мать приходит, у ребенка преобладает чувство обиды на мать.

И снова, проявления чувств по отношению к отцу происходят по-другому. Мы смогли наблюдать два типа отношений. Первый тип заключается в том, что некоторые маленькие девочки (двух-четырёх лет) приходят в состояние тревоги при появлении любого мужчины. Они отворачиваются, закрывают глаза руками, дрожа от страха, бегут к няням, чтобы спрятаться. Второй тип заключается в том, что многие дети относятся к любому отцу, который приходит в приют, как к своему собственному. Они требуют, чтобы он посадил их к себе на колени или чтобы он покатал их на закорках. Дети никогда так не встречают чужую маму. Второй тип реакций объясняется нехваткой присутствия мужского пола в приюте. Первый, возможно, основан на внутреннем отрицании отца из-за детских разочарований, вызванных разлукой.

Влияние фигуры отца на детско-родительские отношения

В начале мы описывали, как на первых порах своей жизни в приюте ребенок тяжело привыкает к разлуке с матерью. Поэтому таким детям в дальнейшем бывает трудно сохранить остатки истинного отношения к родителям.

Память о родителях детей до и после трех лет

Большинство детей младше трех лет вследствие внутренних процессов, описанных выше, забывают своих родителей или, по крайней мере внешне, равнодушны к ним. Они переносят свою любовь на новое окружение и после некоторых колебаний и с некоторой задержкой в развитии заново начинают свою жизнь.

Дети старше трех лет обычно не забывают своих родителей. Их память более стабильна. Ребенку уже легче найти адекватные формы проявления своих чувств. Образ родителей остается в их памяти, особенно когда он поддерживается частыми посещениями, получением посылок, постоянными разговорами о родителях. Часто образы родителей претерпевают значительные изменения по сравнению с прошлым. В фантазиях родители представляются детям лучше, больше, богаче, щедрее, терпимее, чем они когда-либо были. Отрицательные чувства, как было сказано, подавляются и порождают разного рода состояния и разного рода нарушения в поведе-

нии, о происхождении которых не знают ни ребенок, ни воспитатель.

Но даже в этом возрасте, когда отношения с родителями продолжают осуществляться в фантазиях, малопомалу реальные чувства к родителям угасают. Ребенок преимущественно живет настоящим. У него завязались новые отношения, появились любимые воспитатели и нянечки, ревность к сиблингам перешла на младших воспитанников приюта. Дружеские отношения устанавливаются на удивление рано. Дом как предмет гордости заменяется приютом, игрушками и другими предметами нового сообщества.

В наших приютах, где мы используем любую возможность, чтобы дети встречались с родителями, вряд ли когда-нибудь случится так, чтобы ребенок отказался вернуться к матери. Но было несколько малышей примерно двухлетнего возраста, которые были недружелюбны со своими матерями, будучи дома отказывались с ними есть, спать, играть. Они хранили воспоминания о приюте: «Моя ванная», «мой хлеб», «моя Нельса» – точно так же, как хранили в памяти обращение «мам, мам», воспоминания о своих домашних животных, о вещах, принадлежавших их матерям, когда они только попали в приют. Ребенок постарше (трех-четырёх лет), конечно, знает, что эта чужая женщина, которая проявляет к нему какие-то чувства, и есть на самом деле его мать, но все равно это не очень помогает.

Лучше всего это видно на примере девочки Мэри (3 года 3 месяца). Мэри потребовалось много времени, чтобы привыкнуть к жизни в приюте. По крайней мере, в течение пяти месяцев каждый приход ее матери сопровождался сильным плачем. Ее развитие тормозилось фиксацией на ее страстном желании вернуться домой, разочарованием, которое сменялось то упрямством, то депрессией. Она поступила в июле и окончательно прижилась только к Рождеству. Она начала веселиться, интересоваться окружающим и проникаться к своему новому окружению. В январе она провела некоторое время у своей матери, и в течение двух дней она была очень счастлива. Но когда на 3-й день мать спросила ее, хочет ли она остаться еще на ночь или вернуться в приют, она вежливо ответила: «Не кажется ли тебе, что нам было бы лучше вернуться домой?» В данном случае это означало, что она хочет вернуться в приют.

Не у всех детей это видно так отчетливо, как у Мэри. Но если у родителей слишком сильно развито чувство собственности в отношении ребенка, и если в приюте

матери никак не помогают справиться с чувством ревности, то для матери, испытывающей инстинктивную привязанность к своему ребенку, ситуация становится невыносимой. Страх потерять детей таким вот образом толкает матерей на неожиданные решения, например, бросить работу и забрать ребенка домой.

В настоящий момент никто не может определить или даже предположить, каковы будут последствия, когда детям придется расстаться с тем, к чему они привыкли, и какое количество трудностей возникнет по окончании войны, когда всех детей лишат их привычного дома ради того дома, в котором они жили до войны. Особенно трудно будет предсказать, как это отразится на тех детях, которые поступили в приют в возрасте шести месяцев и по сути не знали своих семей.

Нормальные и патологические проявления

Нормальные и патологические проявления в «трудном» поведении и различных отклонениях

Невозможно, чтобы такие проявления прошли для детей бесследно, не обнаружив себя в «трудном» поведении и различных отклонениях. Незрелой детской природе приходится сталкиваться с потрясениями, лишениями, горестями жизни. Психологические механизмы, сформированные у взрослых, отсутствуют в детстве. Может быть, поэтому дети легче переживают многие события, которые в другом возрасте наложили бы большой отпечаток. С другой стороны, от испытываемого напряжения, которое для взрослых незначительно, они могут «сломаться». Эти особенности психологической организации ребенка могут объяснить, с одной стороны, факт наличия их удивительной психологической сохранности, а с другой стороны, могут объяснять нарушения в поведении и появление различных симптомов, которыми обеспокоены работники приютов военного времени.

Проявления в речи

Проявления в речи. Когда матери приходят в детский центр после очередной ночной бомбежки, лучшее, что мы можем для них сделать, — это обеспечить заинтересованной аудиторией. Кухня на Уэзербурн Роуд наполняется рассказами об убитых соседях, о разрушенном доме, о чудесном вызволении из горящего бомбоубежища. Детям, услышавшим о произошедшем больше, чем нужно, мы причиняем больший вред, чем их матерям, обрывая их и оставляя невысказанными их мысли. Если они достаточно часто возвращаются к описанию этих ужасов, их возбуждение заметно спадает.

Этот наиболее важный способ выражения эмоций через речь и сознание, выступающий в роли дренажа для тревоги и эмоций, недоступен маленьким детям. Возмож-

но, что они могли бы вслед за матерью использовать этот прием. Но в условиях проживания в приюте дети не говорят о пережитых страшных событиях сразу же после того, как это произошло. Среди детей, живших на Уэзербурн Роуд, и у которых разбомбило дома, не было ни одного, кто бы в тот момент понимал, что случилось.

Единственный ребенок, который спокойно говорил об этом, – это Чарли, который часто жил в бомбоубежищах и слышал много разговоров о бомбардировках, но никогда не видел воздушных налетов. По прошествии более чем полугода некоторые из детей внезапно начали говорить о бомбежке так, как будто это случилось вчера. Памела (4,5 года) рассказывала, как в их доме обрушился потолок и накрыл ее сестру Глорию. А четыре месяца спустя она нарисовала входную дверь и сказала: «Дверь сломана, в ней большая дыра». Она знала, что эта дверь – входная дверь ее прежнего дома. В это же самое время ее подруга Паулина пяти лет начала также описывать бомбежку.

Она диктовала письма своим американским приемным родителям: «Однажды мой дом разбомбили, и мою ванную, и мои окна. И мой котик пострадал от бомбежки, он висел на заборе. Я сняла его, и он снова запрыгал. А я с мамой и бабушкой пошла в приют».

В другом письме она написала: «Моя мама и я сидели под столом, а моя бедная маленькая сестренка была завалена камнями в своей кроватке, а котик пропал».

Бертран (3 года, 9 месяцев) пробыл в приюте несколько недель, прежде чем смог передать словами то, что он увидел: «Мой папа увез мою маму в большой машине».

Дети, потерявшие своих отцов во время воздушных налетов, в течение нескольких месяцев не упоминали об этом. Их матери были убеждены, что они об этом забыли. Но по прошествии года двое из них подробно рассказали о том, что случилось, не упустив ни одной детали. Во всех этих случаях речь не выступала средством выброса эмоций, относящихся к происходящему. Это совсем другое. Ребенок начинает говорить о случившемся, когда пытается справиться с чувствами, возникшими в результате этого события.

Проявления в игре

Проявления в игре. Взрослые переживают происходящее посредством речи, дети делают то же самое в игре.

Игра в войну несет определенную роль в нашем приюте, равно как и в других. Построенные дома бомбят сверху, используя для этого кирпичи. Игра в поезд перешла в игру в самолет, звук поезда – в звук летящего са-

молета. Игра такого рода в большей степени выходит на передний план после воздушных налетов и уступает место мирным играм, когда все спокойно. После налетов в марте и мае 1941 года дети 3–5 лет воспроизводили в играх то, что они увидели и услышали. Подъемная рама в саду использовалась «бомбардировщиком» для достижения наивысшей точки атаки. Один ребенок забрался на самый высокий прут и оттуда кидал предметы на детей, находящихся внизу. Это был к тому же единственный случай, когда мы услышали, как один ребенок воскликнул: «Газ!» Девочка трех лет набирала в ладошки песок из песочницы и кинула его в лицо ребятам, сказав: «Это газовая атака».

В эту игру дети играли без страха, с огромным, необузданным возбуждением. В игру в войну совсем другого рода играл Берти четырех лет в тот период, когда он отказывался принимать смерть отца. Во время весенних налетов он болел, лежал в кровати, и у него был целый поднос бумажных домиков, в которые он играл без устали. Он выстраивал домики, приделывал им крыши и сбивал их маленькими шариками, выступающими в роли бомб. Тогда как в играх других детей людей убивали и все превращалось в обломки, в играх Берти всех людей вовремя спасали и все дома неизменно восстанавливали. Дети в своих играх воспроизводили что-то более безличное, они воспроизводили более насыщенные событиями версии случившегося. Такие игры отлично служили для снятия напряжения. Игра Берти преследовала еще одну цель – она помогала ему не верить в произошедшее. До тех пор, пока он не вытеснил это из своего сознания, игра должна была постоянно повторяться – она стала навязчивой. А игры других детей были непостоянными.

Берти перестал играть в эту игру, когда полгода спустя он перестал отрицать случившееся и смог рассказать следующее: «Моего отца убили, а мама попала в больницу. Она вернется, когда война закончится, а он – нет».

Те дети из Дома малютки, которые не помнят бомбардировок, потому что им было меньше двух лет, в войну, как правило, не играют.

Игрушка – заместитель семьи. Куклы и плюшевые мишки используются в игре как заместители отсутствующих семей. Дети 4–5 лет до сих пор засыпают со своими игрушечными зверями, чего они, вероятно, не делали бы в нормальных условиях семейной жизни. Некоторые дети, у которых не забрали их игрушечных зверей, принесенных из дома, не выпускали их из рук, и если получалось, держали их при себе даже во время умыва-

Игрушка –
заместитель семьи

ния, одевания и еды. Утрата этой привязанности к игрушкам становится обычно первым признаком того, что ребенок пережил шок от разлуки и обрел новые живые объекты для своей любви. То, что ребенок дает эту игрушку другому ребенку – признак существования большой любви между этими детьми. Дети постоянно играют с куклами в дочки-матери. Наблюдая за маленькими девочками, чувствуешь, что кукла представляется не ребенком, которому девочка была бы мамой, а скорее всего, кукла представляет собой отсутствующую мать. Поэтому признаком вражды между детьми служит то, что они обижают кукол и зверей, других детей.

Шалаши строились изо всего и принимали на себя роль того, что дети прежде называли «игрушечным домом».

Проявления в поведении

Проявления в поведении. Некоторые дети не способны выразить то, что с ними произошло, ни словами, ни в игре. Вместо этого они ведут себя эксцентрично по отношению к окружающему миру, пока не ознакомятся с ним.

При работе с Берти четырех лет нам иногда казалось, что мы сошли с ума. Он внезапно прерывал то, чем занимался, бежал в противоположный угол комнаты, бесцельно озирался по углам и спокойно возвращался, как ни в чем ни бывало. Он ужасно кривлялся. Он был беспокойный, возбужденный, воинственный, вспыльчивый, очень беспокоился о своем здоровье, не выходил на улицу без теплой одежды даже в жару и т.п. Временами он изображал то, как его мать вела себя после смерти отца перед тем, как заболела. Она бесцельно бродила, ища мужа, не сдерживаясь в проявлении своего горя. Будучи несдержанной, сварливой, она очень беспокоилась за здоровье малыша. В довершение ко всему, Берти заболел скарлатиной, что окончательно ее подкосило. Берти в своем поведении сочетал проявления ее эмоций, ее отношения к окружающему миру, ее отношение к себе и, возможно, подражал в чем-то своему отцу, который, как говорили, особенно заботился о нем и любил свою семью. Довольно любопытно, что эти реакции достигают наивысшей точки проявления в дни годовщины смерти его отца.

Другой ребенок, мальчик пяти лет, демонстрировал сильное возбуждение, был настроен против людей, которых больше всего любил, пытался поломать мебель, игрушки и т.п. В конце этой сцены он вдруг становился добрым и любящим, требовал позволить ему сидеть на коленях у воспитателей и сосал большой палец. Извест-

но, что его отец вел себя подобным образом по отношению к своей жене: он также прекращал ссоры, проявляя любовь к своей молодой жене.

У Бертрана 3,5 лет эпизоды проявления странного поведения означали способ выражения пережитого. Он безвылазно сидел за столом, ничего не кушая: это означало, что у него случился конфликт, связанный с едой в том приюте, в котором он жил до того, как он попал к нам. Он угрожал взрослым, что они не получают пудинга. Это означало, что сейчас он ведет себя с людьми так, как вели себя с ним. В тихий час он бывал очень возбужденным. Оказалось, что это имеет отношение к его воспоминаниям о том, как его отправляли спать в наказание и т.п.

Приводить примеры такого рода можно до бесконечности. Они поучительны, поскольку демонстрируют прошлые переживания разного рода, проявляющиеся в форме обычных поведенческих проблем.

Проявления в фантазиях

Проявления в фантазиях. Как уже было сказано, осознаваемые фантазии используются в большей степени для приукрашивания и сохранения любви к родителям. В раннем детстве фантазии наяву не ограничиваются лишь мыслями. Они переходят в действие и представляют огромную часть жизни детей, выражающуюся в форме фантастических игр. Фантазии наяву находят возможность для своего полного выражения только на последующей стадии развития.

Один ребенок упорно отказывался принимать участие в играх, где присутствовала детская фантазия, перевоплощения и т.п. Бerti пугался и становился беспокойным, когда другие дети вынуждали его быть кроликом, собакой, волком или играть роль другого ребенка или кого-то из учителей, или еще что-то подобное. Его фантазия оберегается им исключительно для связи с трагическим происшествием с его родителями и сдерживается в любых других случаях.

Разлука с родителями нарушает социальную адаптацию

Возвращение к инфантильным моделям поведения (регресс). Каждый шаг в начале воспитания тесно связан с одной из фаз привязанности ребенка к живым объектам окружающего мира. В течение первого года жизни каждый ребенок должен осуществить неизбежный и неизменный процесс социальной адаптации. Ребенок эгоистичен и в начале своей жизни имеет нарциссические тенденции. Чувства ребенка переносятся с себя на мать и отца, а остальных членов семьи – на окружающий мир. Ребенок уже способен ограничивать и контролировать свои инстинкты, он становится социальным

существом. Когда происходит что-то, что подрывает его уверенность в родителях, или что-то, лишаящее его обоих родителей сразу, ребенок уходит в себя и вместо прогресса в процессе социальной адаптации происходит регресс. То, чего он достиг в овладении первыми моральными идеалами: быть опрятным, не ломать вещь, быть скромным, неэгоистичным, иметь сострадание – все это со стороны ребенка было не только жертвой. Ему доставляли удовольствие эти маленькие победы, потому что они были одержаны ради родителей, и поэтому сами по себе были победами. Когда чувство привязанности к родителям депривируется, все эти новые достижения теряют для ребенка свою ценность. Уже нет смысла быть хорошим, опрятным, неэгоистичным. Когда ребенок отвергает свое чувство привязанности к родителям, оставившим его, он в то же самое время отвергает моральные и социальные принципы, которые он уже усвоил. Большое количество трудностей у детей, которые в данное время находятся в военных приютах, связано с регрессом в их развитии.

Ночное недержание мочи – признак неблагоприятных отношений с матерью

Ночное недержание мочи. Как бы ни пытались приучить ребенка к чистоте в первые месяцы жизни, его жизнедеятельность подчинена рефлексам и не имеет никакого отношения к психологическим реакциям ребенка. Опыт показывает, что к возрасту 10–13 лет эти навыки усложняются, когда в силу вступают различные психологические факторы и усложняется ситуация в целом. Обретение вновь этих навыков достигается постепенно воспитательными усилиями с помощью методов порицания и похвалы, наград и наказаний в структуре материнско-детских отношений. Требуется время, чтобы ребенок автоматически контролировал мочевой пузырь и сфинктеры. В течение этого периода ребенок либо чистый, либо грязный – и это зависит от регулярности контактов ребенка с тем человеком, который превращает его из грязного в чистого. У маленького ребенка при смене людей, ухаживающих за ним, происходит торможение уже освоенных навыков. Когда разлука с ними настолько неожиданна, как в условиях эвакуации, даже у более старших детей может появиться недержание. То, что ребенок не соблюдает того, к чему его приучили, – признак разлада в отношениях с матерью.

Ночное недержание мочи – одна из возможных причин проявления этих симптомов. Ночное недержание мочи может быть вызвано пренебрежением ребенком, а может быть симптомом невротического синдрома. Но недержание (мочи и кала), которое становится основным

камнем преткновения в вопросе о временном усыновлении ребенка, не такая уж сложная проблема. Проявление недержания соотносится с логикой детских привязанностей, и чаще всего оно исчезает после нескольких месяцев, когда ребенок формирует новые адекватные взаимоотношения.

Формы получения удовлетворения

Тело как источник получения удовольствия

На начальных стадиях, в возрасте раннего детства, когда ребенок все еще эгоцентричен, он открывает свое тело как источник получения удовольствия. Если окружающий мир недостаточно обеспечивает ребенка комфортом, он сам доставляет себе дополнительные удовольствия, когда сосет палец. Подрастая, ребенок использует и другие части своего тела: кожу, «отверстия» в теле, движения мускулатуры, половые органы. В случае нормального развития эти внутренние эротические способы получения удовольствия играют ограниченную роль в жизни ребенка. Если ребенок научается направлять свои чувства на объект любви, он также пытается получить от них удовольствие. Когда связь с ними прерывается, ребенок возвращается к предыдущим формам получения удовлетворения. Сосание пальца – наиболее распространенный пример этого во всех культурах. Мы наблюдали больших детей, 4–5 лет, которые сосали пальцы, как двух- или трехлетние дети. И до сих пор есть примеры, относящиеся к другим проявлениям внутренних эротических форм получения удовольствия, как, например, раскачивание, мастурбация и т.д.

Жадность

Жадность. Естественная любовь ребенка к пище, конфетам, подаркам под влиянием регресса и отсутствия этих вещей превращается в неумную жадность. Потребность в любви трансформируется в потребность в материальных вещах. Посылки от матери или конфеты, которые они приносят, навещая детей, кажутся детям такими же важными, как сама мать. Это означает не только то, что подарки являются символом матери, это значит, что взаимоотношения с матерью регрессировали до той ступени, когда ценность матери измеряется наличием комфорта, получаемого от нее.

Агрессия

Агрессия. В условиях военного времени дети более агрессивны и имеют в своем поведении разрушительные тенденции в отличие от условий мирного времени по причине двух факторов. Один фактор – это ослабление контроля над агрессивностью из-за наличия примеров разрушительности вовне. Другой фактор – возвращение ребенка к предыдущим моделям выражения агрессии. Боль-

шой ребенок становится несдержанным, каким он давно не был. Как у малыша, начинающего ходить, у него меняется настроение: он то всех любит, то бесится, полный ненависти, и готовый укусить или оцарапать. Эти деструктивные тенденции направляются в равной степени как на живых людей, так и на безжизненные объекты.

Вспышки гнева

Вспышки гнева. Возвращение к формам поведения, характерным для раннего детства, в равной степени относится и к природе детских желаний и наклонностей, и к способу, которым они стараются получить удовольствие. Младенцы могут заявить о своих потребностях только плачем, криком, жалобами; у них нет других средств приблизить получение желаемого удовольствия. Дети постарше могут по-своему оценить ситуацию, они умеют говорить, просить, требовать; они могут передвигаться, когда им этого хочется, могут достать то, что хотят, то есть они активно меняют ситуацию. В норме их желания к этому времени должны в меньшей степени восприниматься как жизненно необходимые. Когда ребенок трех-четырёх лет закатывает истерику потому, что конфету, которую он хочет, ему не дают, или потому, что обед задерживается, а он голоден, мы имеем право считать это несерьезным.

Вспышки гнева у детей, которые часто встречаются во время войны в детских приютах, представляются нам как регресс в отношении воспитательных достижений. Дети кидаются на пол, топают ногами, визжат и внезапно снова становятся послушными, мирно сосущими свои пальцы, или поднимающимся с пола как ни в чем ни бывало. Это означает, что они от разумной активной позиции взрослого индивидуума вернулись к беспомощной, отчаявшейся пассивности маленького ребенка.

Неестественное
ослабление
интереса к окружа-
ющему миру

Согласно нашим данным, предполагается, что состояние болезненной тоски по дому длится от нескольких часов до нескольких недель или даже месяцев. По истечении этого срока ребенок имеет уже новые объекты привязанности из своего нового окружения. Новые связи могут быть менее прочными и более поверхностными. Как уже описывалось, ребенок начинает строить новые взаимоотношения на более примитивном уровне, и некоторые ценные достижения теряются в процессе адаптации. Однако каковы бы ни были эти потери, большие или маленькие, факт остается фактом: в норме потеря интереса к окружающему миру временная и ребенок рано или поздно снова налаживает адекватные отношения с окружающим миром. По-другому обстоят дела, если при неблагоприятном стечении обстоятельств

ребенку вынуждены менять человека, заботящегося о нем, один раз или дважды так, что и новые привязанности оказываются своего рода бесполезными. Дети депривированы этими новыми объектами, только что обретенными. Отношение ребенка к людям становится все более и более поверхностным, и за этим следуют ненормальные проявления различного рода. (...)

Практические выводы

На первый взгляд, исходя из полученных результатов, кажется, будто у маленьких детей почти нет шансов не пострадать от войны. Они остаются на территории, подвергаемой бомбардировкам, в стороне от психологической опасности, однако заражаются страхом матерей, ожесточаясь, наблюдая повсюду разруху и живя в бомбоубежище. Зачастую чтобы избежать этих опасностей, их эвакуируют в деревню, где они страдают от разлуки с родителями. Это приходится как раз на тот возраст, когда им необходимы эмоциональная стабильность и постоянство. Но кажется, что все, что можно сделать для ребенка, ему только повредит.

С другой стороны, не следует торопиться с выводами. Эвакуация на данный момент приносит столько же переживаний, как и бомбардировка. Но это не доказательство того, что невозможно найти способ, при котором, охраняя жизнь и физическое здоровье ребенка, нельзя было бы обеспечить его возможностью получить нормальное психологическое развитие и достичь прогресса в воспитании.

Форма разлуки пагубно сказывается на ребенке

Полученные нами материалы показали, что не сам факт разлуки с родителями пагубно сказывается на ребенке, а форма, которая при этом используется. Ребенок переживает шоковое состояние, когда он внезапно, без предварительной подготовки подвергается опасности, с которой он не может эмоционально справиться. В случае эвакуации ребенка опасность представляется в виде внезапного исчезновения всех тех, кого он любил. Неудовлетворенные желания приводят его в состояние напряжения, которое он ощущает как шоковое. Если отделение от родителей происходит медленно, если люди, которым предстоит заменить ребенку мать, знакомы ему, переход от одних людей к другим происходит постепенно. Если в течение этого периода, когда ребенок разлучен с матерью, она несколько раз появляется, боль, испытываемая от разлуки с ней, каждый раз повторяется, но с каждым разом все менее и менее сильная.

Со временем чувство любви ребенка переходит на людей, заменяющих мать, которые к этому моменту уже хорошо знакомы ребенку. В этом случае не будет периода пустоты, в которой чувства ребенка направляются внутрь, и, следовательно, происходит потеря некоторых воспитательных достижений. Процесс регресса длится, пока ребенок не отказался от предыдущего объекта любви, не найдя нового. Двое наших детей по-своему выражали это состояние. Бертран (3 года 9 месяцев) сказал: «Ты мне не нравишься. Мне никто не нравится. Только я себе нравлюсь». Иван пяти лет восклицал: «Я ничей».

Матерям советуют навещать детей в течение первых двух недель после разлуки. Распространено мнение о том, что боль от разлуки в этом случае быстрее пройдет, причинив меньше вреда. В действительности, только быстрое, неподготовленное расставание ребенка с матерью таит в себе опасность появления патологических последствий. Затянутый процесс отделения ребенка от матери может быть более болезненным, так как у ребенка есть время отреагировать происходящее, прочувствовать свои ощущения, найти способ выражения своего состояния. Те проявления, которые не подвластны сознанию ребенка, могут нанести нормальному развитию ребенка огромный вред.

«Постепенная эвакуация»

Можно было бы возразить, что в критических условиях войны эти соображения не заслуживают внимания. И все же представляется возможным при составлении программы эвакуации опираться на психологическую сторону вопроса о «постепенной эвакуации».

Если эвакуировать детей младше пяти лет одних, без близких, как их старших братьев и сестер, они, по крайней мере, не должны находиться в более жестких условиях, чем старшие. Школьники, даже если они потеряли связь с домом, должны хотя бы сохранить отношения со школьными друзьями, учителями. Дети младше пяти лет, которых отправляют в приюты, попадают в неизвестность.

Кто-то, может быть, придумает план, по которому все маленькие дети могли бы находиться в приютах дневного пребывания. Они бы привязались к своим няням и воспитателям, знали бы людей, в обществе которых они проводят целые дни, живя при этом дома. В особо опасные периоды эти дневные приюты могли бы превращаться в приюты-интернаты, которые эвакуировались бы в полном составе. Матерям, которые отказываются расставаться со своими малышами, можно было бы предоставить возможность поехать с ними в качестве обслужива-

ющего персонала. Опыт показывает, что в этих условиях небольшой процент матерей имеют желание остаться с детьми. При таких условиях процесс эвакуации перестал бы быть таким ужасным для маленьких детей, а патологические реакции в связи с этим встречались бы намного реже. Чтобы сохранить остатки отношений с родителями, насколько это возможно, и одновременно подготовить детей к возвращению домой после окончания войны, ограничения для посещения родителей должны быть незначительны или их вообще не должно быть. В наши детские дома родители приходили и приезжали, когда у них была возможность. Следует обеспечить их такой возможностью, так как это важно для физических и воспитательных потребностей ребенка.

Все же трудно придумать способ эвакуации младенцев. Если дети вынуждены расстаться с матерями в первые недели жизни, так как матерям нужно работать на военном производстве, лучше, если дети будут в яслях, расположенных вблизи фабрик, где матери могли бы оставить их. Но это опять же не решает проблемы пребывания детей в бомбоубежище во время опасности.

Если дети уезжают в дома-интернаты, эти приюты должны быть расположены как можно ближе к окраинам города, чтобы тем самым обеспечить родителей возможностью частого посещения детей. Для младенцев в детско-материнских отношениях еще нечего сохранять, нет воспоминаний, которые следует беречь. Ребенку предстоит познакомиться со своей матерью в часы или дни ее приходов в приют. Безусловно, при этом необходимо учитывать и соотносить частоту визитов со способностью ребенка удерживать воспоминания.

